

РУССКИЯ НАРОДНЫЯ ЛЕГЕНДЫ.

(по поводу издания г. Аѳанасьева, въ москвѣ, 1860 г.).

Русская этнографія уже давно обратила внимание на памятники народной словесности, утверждая, что въ нихъ всего яснѣе опредѣляется характеръ народа, но до сихъ поръ она очень мало исполнила одну изъ главныхъ своихъ задачъ, именно изданіе самыхъ памятниковъ. Она довольствуется клочками пѣсенъ и преданій, часто подправленными и подрѣзанными для «приличія» самими издателями или по такъ называемымъ независящимъ причинамъ; примѣры перваго мы видѣли даже въ изданіяхъ офиціальныхъ ученыхъ обществъ, которыя несмотря на всю научную строгость своихъ взглядовъ не могутъ избавиться отъ академической щекотливости и печатаются только самыя невинныя народныя произведенія. Несмотря на то мы продолжаемъ говорить, что открываемъ въ нихъ духъ народа, забывая, что цѣлый оставшійся у насъ нетронутымъ уголъ этой области иногда представляетъ весьма курьезные образчики этого народнаго духа. Г. Аѳанасьевъ, сдѣлавшій недавно изданіе сказокъ, если не совсѣмъ удовлетворительное, то по крайней мѣрѣ имѣющее заслугу достовѣрности, перешелъ теперь къ одному изъ такихъ мало тронутыхъ отдѣловъ нашей народной словесности, и посвятилъ свою книжку народнымъ легендамъ, до сихъ поръ еще не имѣвшимъ сориателя.

Народныя произведенія далеко не такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, какъ отличаетъ ихъ этнографическая терминологія. Народныя пѣсни, повѣрья, преданія, сказки и т. д. принадлежать одному и тому же народному воображенію и создаются имъ безъ всякихъ литературныхъ правилъ, и потому безпрестанно смѣшиваются одинъ съ другимъ и по предмету и по изложенію, какъ что всѣ типы народной словесности незамѣтно переходятъ одинъ въ другой. Тѣмъ неменѣе каждый въ отдельности они имѣютъ какія нибудь пре-

обладающія особенности: *легенда* имѣетъ ту специальность, что останавливается исключительно на предметахъ, прилежащихъ къ области христіанскихъ вѣрованій и религіозной морали;—самъ народъ не даетъ имъ, кажется, никакого особеннаго названія, но мы терминомъ *легенда* отличаемъ только одну часть его повѣрій, не касаясь никакъ православно-церковныхъ сказаний, по своему священному значенію и достовѣрности рѣшительно не принадлежащихъ къ разряду народныхъ повѣрій. И особенно о русскихъ легендахъ мы во всей статьѣ говоримъ въ смыслѣ только народныхъ повѣрій: замѣчаемъ это въ избѣжаніе перетолковъ людей легкомысленныхъ. Отъ самаго содержанія легенда имѣеть серьёзный тонъ, который только въ послѣдствіи переходилъ иногда въ щутку, какъ мы увидимъ въ примѣрахъ г. Аѳанасьева. Легенды были поучительнымъ развлеченьемъ, и рассказыванье ихъ было дѣломъ благочестивымъ; иные изъ нихъ имѣли пѣсенную форму и пѣлись нищими старцами при церквяхъ и по дорогамъ.... Первоначальное происхожденіе легенды было, слѣдовательно, чисто христіанское; оно относится еще къ первымъ вѣкамъ распространенія христіанства: народное воображеніе скоро воспользовалось рассказами о жизни Спасителя, о подвигахъ его учениковъ; затѣмъ любопытство народа пошло и далъ, оно остановилось на прошедшей исторіи человѣка, на сотвореніи міра и судьбѣ первыхъ людей, на загробной жизни, увлеклось наконецъ и тѣми личностями, которыя въ настоящую минуту поражали народъ возвышеннымъ характеромъ и святостью жизни, и такимъ образомъ мало по малу легенды составили большую массу преданій, которая наконецъ заняла важное мѣсто въ письменной литературы. По своему исключительно христіанскому содержанію легенда не имѣла въ первое время никакой частной національности, но стала болѣе или менѣе общимъ достояніемъ христіанскихъ народовъ. Это одно изъ ея существенныхъ качествъ. Но кромѣ общихъ преданій, у разныхъ народовъ развивались еще частныя, мѣстныя легенды о чудесахъ и святыхъ; отсюда явились мѣстныя отличія легендъ, усиленныя еще потомъ раздѣленіемъ церквей.

Исторія народной легенды находится въ необходимой связи съ легендой литературной. Средніе вѣка были классическимъ временемъ легенды, въ теченіе ихъ она получила свое полное развитіе. Въ свѣжихъ народахъ Европы христіанство нашло сильный отзывъ; личности и события священной исторіи заняли мѣсто языческой мифологии, хотя наивная безсознательность тогдашнихъ людей нерѣдко мѣшала языческое съ христіанскимъ и даже повторяла ту же языческую старину подъ новыми формами. Особенная плодовитость легенды относится именно къ тому времени, когда новое ученіе на-

чало совершенно господствовать надъ умами, и событіе, въ кото-
ромъ всего ярче вышло наружу религіозное увлеченіе, подъяство-
вало въ то же время всею силою на распространеніе легенды. Кре-
стовые походы были чрезвычайно важнымъ фактамъ въ исторіи за-
падно-европейской легенды. Еще гораздо раньше этого воинствен-
наго движенія въ Азію, Палестина была цѣлью множества благоче-
стивыхъ странствованій; пилигримы со всей Европы отправлялись
тула, пренебрегая трудностями опаснаго путешествія, и, возвраща-
ясь на родину, приносили цѣлую массу рассказовъ о томъ, что они
видѣли и слышали. Здѣсь переходили въ Европу старыя палестин-
скія преданья, отрывки византійскихъ сказаний, повѣрья о чудесахъ
дальнихъ земель, но въ особенности тѣ исторіи, которыя связаны
были съ предметомъ странствованія: легенды подробно и разнооб-
разно рассказывали о жизни Спасителя, о подвигахъ святыхъ и му-
чениковъ. Подобное было и въ древней Россіи: странники ко свя-
тымъ мѣстамъ упоминаются у насъ уже въ XI столѣтіи, игуменъ
Даниилъ видѣлъ въ Іерусалимѣ и другихъ русскихъ богомольцевъ
изъ Киева и изъ Новгорода; съ другой стороны и у насъ упоминаются
странники изъ Палестины, какъ напримѣръ, въ житіи Феодосія, —
странники, можетъ быть, уходившіе тогда отъ преславленій, кото-
рыя терпѣло христіанско населеніе Палестины. Мы имѣемъ полу-
жительныя историческія извѣстія о томъ, что наши странники имен-
но заносили съ собой изъ путешествій то или другое сказанье, кото-
рое они или переводили съ чужихъ языковъ, или же записывали
сами на память. Въ нашихъ былинахъ сохранилось очень любопыт-
ное описание пилигримскихъ путешествій, въ одной пѣснѣ Кирши
Данилова, которая сама носить полный характеръ легенды. Вотъ
какъ отправлялись въ путь старинные «калики перехожіе»:

А изъ пустыни быво Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися
Ко святыму граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою,
Становилися во единой кругъ,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую,
Выбирали большаго атамана,
Молода Касьяна сына Михайлова.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайлова
Кладеть онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцевъ:
«А идти намъ, братцы, дорога неблизкая,
Идти будеть ко городу Іерусалиму,

Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися;
Идти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородками, —
А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
Кто украдеть, или кто солжеть....
Атаманъ про то дѣло провѣдаєтъ,
Едина оставить во чистомъ полѣ,
И вкопать по плеча во сырь землю».
И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
Бѣлыя рученки изциложены....
Пошли калики во Іерусалимъ градъ.
И идутъ недѣлю уже споряду,
Идуть уже время не малое,
Подходять уже они подъ Киевъ градъ,
Сверхъ тое рѣки Череги
На его потѣнныхъ на островахъ,
У великаго князя Владимира.
А и вышли они изъ раменъя,
Встрѣчу имъ-то Владиміръ князъ....

Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
Становилися во единой кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали
А и сумочки изповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ.
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали....
Едва пробудится Владиміръ князъ,
Разсмотрѣть удальихъ добрыхъ молодцевъ,
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти.

Это были люди, черезъ которыхъ въ особенности шла легенда. Наши вышѣшніе пилигримы до сихъ поръ собираются на богомолье толпами, артелями; они дѣлятъ удачу и неудачи нутешествія, въ ихъ кругу составляется или запоминается легенда и потомъ расходитсѧ съ ними по цѣлому краю. Въ пѣснѣ Кирши Данилова артель богомольцевъ съ атаманомъ становится уже похожа на козацкій кругъ богатырей, но можно думать, что основаніе цѣлаго разсказа

и приведенного нами эпизода относятся еще къ глубокой старинѣ. Калика перехожій есть лицо очень обыкновенное въ нашей исторической былинѣ, и одно это могло бы убѣдить въ распространеніи русского паломничества, ежели бы мы не имѣли па это и положительныхъ указаний, въ которыхъ также нѣтъ неоднозначности.

Сказанія, разными путями пришедшия къ намъ, до такой степени обжились наконецъ въ новой средѣ, что становились почти национальными произведеніями, превращались изъ легендъ въ романъ, какъ преданья о Соломонѣ у нѣмцевъ, и такимъ образомъ теряли даже свой первоначальный священный смыслъ. Литературная исторія «Римскихъ Дѣяній», «Золотой легенды» и другихъ подобныхъ сборниковъ представляетъ весьма занимательные факты въ этомъ отношеніи. На западѣ легенда расходилась сначала на латинскомъ языке, тогда общемъ языке церкви; въ одно время съ первыми попытками занадныхъ литературъ, легенда появилась и на народныхъ языкахъ, она излагалась въ поэтической формѣ и перешла даже въ народную поэзію и стала пѣсней: на Рейнѣ въ двѣнадцатомъ столѣтіи пѣлись сказанія о святомъ Анно, въ половинѣ четырнадцатаго вѣка слѣпцы пѣли на улицахъ чудеса святаго Николая. Что касается до нашей старинной легенды, она также имѣла свои литературные источники въ византійскихъ книгахъ, которая уже давно начали у насъ переводиться; много могла почерпнуть народная легенда и изъ собственно русскихъ житій, огромное количество которыхъ до сихъ поръ остается мало разработаннымъ; наконецъ фантазія народа, могла работать сама подъ вліяніемъ утвердившихся религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній или по готовымъ прежнимъ образцамъ. Послѣднее даже необходимо признать, потому что для иныхъ народныхъ легендъ о Христѣ, апостолахъ и святыхъ до сихъ поръ не было найдено источниковъ въ древнихъ письменныхъ памятникахъ.

Условія появленія легенды оказались слѣдовательно въ старой русской жизни такъ же, какъ это было въ мірѣ романскомъ и нѣмецкомъ: было одно содержаніе христіанскихъ преданій и одно стремленіе переработать ихъ отчасти фантазіей. Но развитіе нашей и западной легенды было все-таки различно: послѣдня выросла до такого же законченного поэтическаго цикла, въ какой сложились произведенія миѳического и рыцарского эпоса; легенда легко привилась къ литературѣ и скоро стала въ ней темой поэтическихъ варіацій. Гервинусъ опредѣляетъ ходъ ея образованія такими чертами. Въ поэтическихъ обработкахъ, говорить онъ, исторія Христа, его семейства и учениковъ, до святыхъ позднѣйшей эпохи, болѣе и болѣе сближала отдельные и разсѣянные сюжеты, и они сами собой соста-

вили цѣлый кругъ эпической, христіанской саги. Обзоръ этого ле-
гендарного цикла, чрезвычайно поучителенъ для пониманія разви-
тія всѣхъ эпическихъ средневѣковыхъ сказаний, основанныхъ на
исторії; потому что, если разобрать эту христіанскую эпопею хро-
нологически, по ея историческимъ основамъ и поэтическимъ обра-
боткамъ, она развивается такъ же, какъ всякой другой свѣтскій эпосъ
среднихъ вѣковъ, переходя отъ дѣйствительного и исторического къ
выдуманному и чудесному, отъ простоты къ разнообразію, отъ част-
наго къ общему; мѣстность и лица давали поэзіи такую же свободу,
какъ въ рыцарскихъ поэмахъ. Въ Христѣ является средоточіе, герой
преданія, въ которомъ трудно было измѣнить внутренній смыслъ,
къ которому можно было только виѣшнимъ образомъ прибавить по-
вѣяя преданья. Когда этотъ основный предметъ былъ источенъ по-
этами, тогда перешли къ родственному содержанію Ветхаго Завѣта.
Это можно сравнить съ соединеніемъ отдѣльныхъ или родственныхъ
сагъ въ рыцарскомъ эпосѣ. Затѣмъ, распространяли первоначаль-
ный источникъ далѣе по бѣднымъ намекамъ, которые онъ давалъ,
и здѣсь съ первымъ развитіемъ саги вошло въ нее апокрифическое.
Объ нѣкоторыхъ изъ двѣнадцати учениковъ были, правда, историче-
сکія преданья, но рядъ нужно было дополнить, и о комъ молчала
исторія, о томъ говорила фантазія. Точно такъ въ рыцарскомъ
эпосѣ мы находимъ, что Роландъ съ Карломъ и Гильдебрантъ съ
Дитрихомъ были соединены уже въ первоначальномъ преданіи;
но въ большей части того, что говорится о двѣнадцати перахъ, ско-
рѣе можно подозрѣвать чистую выдумку, чѣмъ остатокъ историче-
скаго преданія. Далѣе, къ каждой личности Нового Завѣта прила-
гаемы были новыя сказанія, которыя часто обнаруживаются самую
пустую выдумку, и все таки достигали огромной извѣстности и слѣ-
довательно популярности. Въ этомъ ролѣ сочиняли исторіи объ ан-
тихристѣ, о Пилатѣ, объ Іудѣ, о Маріи: факты, имена, дѣйствія,
которыя имъ приписываются, постоянно обнаруживаются подражаніе,
заимствованіе, желаніе дополнить и прикрасить старыя легенды.
Къ этимъ древнѣйшимъ сюжетамъ присоединился наконецъ цѣлый
рядъ легендъ о святыхъ и мученикахъ изъ римскихъ и позднѣй-
шихъ временъ, но они остаются одинокими, какъ поздніе рыцар-
ские романы не имѣютъ связи съ древнимъ эпическимъ цикломъ.
Наконецъ, когда исчерпанъ былъ весь эпический матеріалъ, пере-
ходя къ поучительной и лирической обработкѣ христіанскихъ пре-
даній, какъ это было и въ свѣтской поэзіи.

Такого широкаго и самостоятельного развитія легенда не имѣла
въ нашей старой литературѣ, главнымъ образомъ потому, что наши
старые «снисатели», какъ ихъ называли, привыкли дѣйствительно

больше списывать чужое и пользовались уже готовыми византійскими легендами. Количество легендъ, относящихся къ лицамъ евангельскимъ, у настъ было несравненно меньше, и главное, лишено самостоятельной обработки, хотя материалъ издавна былъ подъ руками. *Хронографы* и *Палеи*, представлявшіе священную и древнюю исторію, пришли къ намъ уже въ первые вѣка славяно-русской письменности отъ грековъ и южныхъ славянъ; священная исторія, которую они передавали, уже была прикрашена рассказами, перешедшими потомъ въ народную легенду. Так же давно начали переводить у настъ *житія*, отдельныя и собранныя въ разнаго рода патерикахъ; литература древнихъ и новыхъ *апокрифовъ* была также очень знакома, но всѣмъ этимъ материаломъ у настъ очень мало воспользовались. Въ нашей литературѣ едва ли когда найдется чтонибудь подобное тѣмъ эпопеямъ, которыя посвящены были на занадѣ евангельскимъ лицамъ и событиямъ. Причина въ ограниченности литературного развитія вообще и въ различномъ направленіи религіозныхъ понятій: пашимъ старымъ людямъ не приходило въ голову дать легендѣ болѣе поэтическую форму, чѣмъ та, какую она получила въ первый разъ, — самый языкъ, на которомъ они читали и сами привыкли писать, былъ въ сущности языкъ чужой; окаменѣвшій въ церковномъ употребленіи, онъ не могъ идти на выраженіе задушевной мысли, необходимой въ поэтическомъ произведеніи. Господство славянского языка безъ сомнѣнія убивало поэзію: единственный разъ, когда хотѣли имъ воспользоваться для поэзіи, онъ уложился только въ нелѣпыя вирши Симеона Полоцкаго и товарищей. При томъ у настъ, если не господствовало исключительно, то было въ большой силѣ чисто буквальное пониманіе того, что относилось къ религіознымъ вѣрованьямъ; въ книгѣ *церковной* видѣли всегда иѣ-что догматическое, и какова была привязанность къ буквѣ, можно видѣть до настоящей минуты у раскольниковъ.

Но хотя благочестивая ревностъ и понимала поэзію по своему, она произвела много сказаний чисто русскихъ, въ которыхъ пробилась все-таки струя легендарной поэзіи.

Наконецъ источникомъ народной легенды были и предания, шедшія не изъ книги, а жившія въ самомъ народѣ, какъ пѣсня и сказка: всего труднѣе опредѣлить пути, которыми проходили эти незатѣйливыя новѣсти до тѣхъ поръ, пока встрѣтились съ любопытствомъ ученыхъ собирателей. Здѣсь легенда отъ беспрестанного обращенія въ народѣ иногда смѣшивалась съ другими рассказами; въ ея христіанскіе разсказы влѣтались разныя постороннія черты изъ старыхъ міѳическихъ востоминаній: къ библейскому сказанію о сотвореніи міра, примѣщалась космогонія древ-

нихъ обрядныхъ пѣсень, въ исторію благочестивыхъ людей попали подробности изъ народныхъ сказокъ, въ преданья обѣ адв и раѣ вошли принадлежности новѣйшаго быта и т. д. Примѣры мы увидимъ въ легендахъ г. Аѳанасьева. Любопытно, что въ этихъ народныхъ легендахъ, различныя народности сходятся такимъ же поразительнымъ образомъ, какъ въ сказочномъ эпосѣ: легенды повторяются часто съ замѣчательной точностью.

Такимъ образомъ, по содержанію, народная легенда можетъ быть пріурочена или къ чужимъ переводнымъ сказаньямъ, или къ литературнымъ повѣстямъ чисто русскимъ, или наконецъ къ устнымъ преданьямъ, въ самомъ началѣ принадлежавшимъ къ области народной поэзіи. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какія формы принимало у насъ это общее легендарное содержаніе, и въ какихъ памятникахъ оно сохранялось и сохраняется въ народѣ. Во первыхъ большое количество легендъ оставалось всегда только въ формѣ житій (повторяемъ, что мы здѣсь разумѣемъ народныя, а не церковныя сказанія о житіяхъ святыхъ); нѣкоторые изъ нихъ наиболѣе читались и нравились, и достигали слѣдовательно извѣстной популярности, особенно между грамотными людьми. Въ свое время чрезвычайно популярнымъ средствомъ распространенія подобныхъ легендъ были лубочныя картинки, которыя теперь исчезаютъ больше и больше. Лубочные картинки, удовлетворявшия въ старину всѣмъ литературнымъ потребностямъ простолюдина, сообщали и наиболѣе любимыя легенды; въ нихъ можно найти Алексія Божія Человѣка, Богатаго и Лазаря, Георгія Побѣдоносца, Бориса и Глѣба, царевича Димитрія и т. д. Не менѣе плодовиты были эти картинки изложеніемъ христіанской морали въ притчахъ и примѣрахъ, какими пользуется иногда и легенда народная: они изображали страшный судъ, видѣнія о загробной жизни, рассказывали о пьяницахъ, вдавшихся бѣсу; о мученіяхъ немилостивыхъ людей послѣ смерти, о людяхъ умершихъ безъ покаянія и пр., однимъ словомъ предметъ картинокъ совершенно сходился здѣсь чисто легендарными мотивами. Намъ совершенно неизвѣстно, какъ давно появилась у насъ другая, болѣе оживленная форма легенды, — такъ называемые *стихи*. Эта форма уже прямо относится въ область народной поэзіи по своему колориту и виѣшности, но памятники не даютъ намъ возможности опредѣлить ясно, въ какое время произошло это перерожденіе народной легенды. Правда, мы встрѣчаемъ въ рукописяхъ разсказы, написанные совершенно въ тонѣ и размѣрѣ стиховъ, но они попадались до сихъ поръ только въ сборникахъ конца семнадцатаго и начала осьмнадцатаго вѣка. Замѣтимъ при этомъ, что въ стихахъ надоено отличать два

непохожіе разряда: одни по своему содержанию принадлежать безъ сомнінія къ очень древней эпохѣ, какъ стихъ о Голубиной книгѣ, и по языку совершенно народны; другіе ясно принадлежать познѣшнимъ книжникамъ и сложены на довольно нескладномъ языкѣ, съ тяжелыми книжными выраженіями. Въ настоящее время, какъ безъ сомнінія и прежде, стихи являются специальностью нищихъ старцевъ и слѣнцовъ, которые поютъ ихъ въ большихъ собраніяхъ народа; тѣ изъ нихъ, которые были неграмотпѣ, были, вѣроятно, и сочинителями стиховъ. Легенды, заключающіяся въ стихахъ, собраны были въ первый разъ Кирѣевскимъ; онѣ относятся ко всѣмъ тѣмъ сюжетамъ, которые мы упоминали выше. Отчасти это космогоническая преданія, какъ стихъ о Голубиной книгѣ, въ которомъ наши этнографы отыскали слѣды древнѣйшихъ мифическихъ преданій, какъ «Евангелистая» пѣсня, стихъ о Георгіѣ храбромъ. Другіе пересказываютъ книжные легенды о святыхъ, какъ стихи о Елисаветѣ прекрасной, Николаѣ Святителѣ, Федорѣ Тиронѣ, царевичѣ Іоасафѣ и т. д., или сообщаютъ извѣстныя повѣрья о будущей жизни, страшномъ судѣ, раѣ и адѣ; въ нихъ встрѣчаются и сказанія о томъ, какъ Христосъ ходилъ между людьми,—иѣсколько подобныхъ мы найдемъ и въ изданіи г. Аѳанасьевы. Наконецъ третыи, наиболѣе новые и слабые, наполнены нравственными сентенціями. Духовные стихи представляютъ вообще наиболѣе обработанную поэтическую форму нашей народной легенды, во; сколько намъ кажется, они извѣстны въ народѣ гораздо менѣе, чѣмъ другія произведенія народной словесности; быть можетъ народъ началъ уже забывать ихъ.

Далѣе, до настоящаго времени легенды живутъ въ народѣ въ видѣ простыхъ прозаическихъ разсказовъ. Переходя отъ одного къ другому, отъ поколѣнія къ поколѣнію, они не могли сохранить прочной формы, и больше, чѣмъ пѣсня или стихъ подвержены были измѣненіямъ. Разсказчики мѣшиали ихъ между собой, соединяли и раздѣляли, такъ что ученому собирателю нужно много вниманія, чтобы передать ихъ въ должномъ цѣломъ видѣ. Эти прозаические разсказы, ходящіе до сихъ поръ въ народѣ, предпринялъ издать г. Аѳанасьевъ.

Въ связи съ легендой стояли наконецъ и тѣ народныя произведения, превосходный образчикъ которыхъ мы открыли недавно въ повѣсти о «Горѣ-Злочастії». Ихъ соединяетъ благочестивое настроение разсказа, но послѣдняя гораздо болѣе обыкновенной легенды обращается къ дѣйствительной жизни, вводить картины нравовъ и другой стороной своей принадлежитъ къ чисто свѣтской поэзіи. Къ сожалѣнію повѣсть о «Горѣ» до сихъ поръ остается иѣ-

сколько одинокимъ явленіемъ въ своемъ родѣ и мы не можемъ определить, какъ много въ старину написано было подобныхъ вещей.

Итакъ, г. Аѳанасьевъ ограничился только простыми прозаическими легендами, сохраняемыми предаиьемъ. Манера изданія осталась у него также, какъ въ его сборникѣ сказокъ, то есть онъ собралъ подобные рассказы, записанные разными лицами въ разныхъ краяхъ Россіи, — между прочимъ, много записанныхъ г. Далемъ и самимъ издателемъ, — и печатаетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ получились. Критика наша и прежде замѣтила недостаточность этого способа, вызывающаго, напримѣръ, такія возраженія: на сколько вѣрны списки, которыхъ издатель самъ не могъ провѣрить, и чѣмъ опредѣлить онъ распространеніе легенды, которую онъ относить къ какой нибудь одной мѣстности. Въ этомъ видѣ изложеніе легендъ становится очень случайнымъ: рассказчикъ, со словъ которого пишется легенда, могъ дать ей иной тонъ, чѣмъ слѣдуетъ; могъ пропустить иные подробности, которыхъ можно было бы дополнить на томъ же мѣстѣ отъ другихъ; мѣстное распределеніе легендъ или общая извѣстность ихъ остаются совершенно неопределены.

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ изъ книги г. Аѳанасьева, чтобы познакомить читателя съ различными типами легенды и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какъ она связывается съ обыденной дѣйствительностью и понятіями простаго человѣка. Первое мѣсто занимаютъ легенды о хожденіи Христа и апостоловъ между людьми. Это одинъ изъ любимыхъ мотивовъ легенды вообще: Христосъ является на землю обыкновеннымъ человѣкомъ, чтобы испытывать людей и направлять ихъ на добрыя дѣла; средствомъ для этого обыкновенно бываетъ какоенибудь чудо. Такого рода исторія разсказывается о «Христовомъ братцѣ»:

«Одинъ старикъ, умирая, завѣщаѣ своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ лицъ христосоваться съ нищѣй братіей, хоть и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ срамной нищій, и позвалъ его парень на домъ къ себѣ разговариваться. Какъ увидала мать нищаго, болѣво осерчала: лучше, говорить, со исомъ разговариваться, нежели съ такимъ срамнымъ старикомъ!» — и не стала разговариваться. Вотъ сынъ со старикомъ разговаривались и пошли отдохнуть. И видѣть сыны: на старикѣ одежонка плохиньская, а крестъ какъ жаръ горить. «Давай, говорить старецъ, крестами мѣняться; будь ты мій братъ крестовый!» — Нѣть, братъ, отвѣчаетъ парень, коли я захочу — такъ куплю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять. Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой. «А дорога, говорить, — вонъ ступай по той

дорожкѣ; скажи только: благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня.»

«Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: «благослови, Господи!» и пустился въ путь—дорогу. Прощель немножко—и слышитъ дѣтскіе голоса: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прощель еще немножко — и видитъ: дѣвицы изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ. «Христовъ братецъ, говорить онѣ ему, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ онъ дальше — и видитъ тынъ, а подъ тѣмъ тыномъ виднѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ все дальше — и вотъ усмогрѣль того самаго старца, съ которымъ вмѣстѣ онъ разговаривалъ. Старецъ у него спрашиваетъ: «не видаль ли чего по дорогѣ?» Парень рассказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говорить старецъ — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Иисусъ Христосъ. «За что жъ, Господи, младенцы мучатся?» — Ихъ мать во чревѣ прокляла, имъ въ рай и пройти нельзя! «А дѣвицы?» — Онѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшиали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду! «А старики?» — Какъ жили они на блѣскомъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ все равнѣ — хоть тынъ нами поднирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подъ тыномъ. Потомъ повелъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужику и выйтти оттуда не хотѣлось!). А послѣ повелъ его къ адѣ, и сидѣть въ адѣ матерь мужика; онъ и сталъ просить Христа: «помилуй ее, Господи!» Повелѣль ему Христосъ свѣтъ напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно ужъ Господь такъ далъ! Приносить ко Христу. «Ну, говорить онъ, ты вилъ эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудился за свою матеръ — вытащи ее изъ ада». Сынъ кинулы веревку къ матери, а та сидѣть въ смолѣ кипучей. Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою матеръ, ужъ за голову ее схватилъ, да она какъ крикнѣть на него: «ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалась и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. «Не хотѣла она, сказалъ Христосъ, и тутъ воздержать своего сердца; пусть же сидѣть въ адѣ вѣки вѣчные!»

Въ другихъ легендахъ Христосъ также принимается на себя видъ нищенаго старика, ходить по деревнямъ и испытываетъ людей. Одинъ разъ богатый мужикъ принялъ его дурно и едва пустилъ переночевать; на другое утро старикъ предложилъ мужику помочь ему молотить хлѣбъ; на току сложили полъ—одонъя хлѣба, Христосъ зажегъ ихъ и отъ сгорѣвшаго хлѣба осталось чистое, богатое зерно. Когда Христосъ ушелъ, мужикъ попробовалъ сѣять тоже самъ, но хлѣбъ сгорѣлъ, огонь бросился на избы и произошелъ страшный пожаръ. Въ другой разъ Христосъ наградилъ мужика, который далъ ему хлѣбъ

ба, тѣмъ, что изъ небольшаго мѣшка зерна намололосъ у него на мельницѣ столько, что мужикъ не зналъ куда и дѣвать. Христосъ странствовалъ или одинъ, или съ апостолами, или съ Николаемъ «милостивымъ»: онъ терпѣливо спосѣтъ ошибки слабыхъ людей, и своими чудесами обыкновенно направляетъ ихъ на путь истинный; но иногда онъ строго наказываетъ ихъ, — одного богатаго и немилостиваго мужика онъ обратилъ въ коня и отдалъ доброму бѣдняку. Отношения бѣдныхъ и богатыхъ, составляютъ чрезвычайно обыкновенный мотивъ подобныхъ легендъ; это обстоятельство прежде всего бываетъ на виду у простолюдина, и легенда утѣшасть его тѣмъ, что добрый бѣднякъ въ заключеніе всегда бываетъ награжденъ. Судьба иногда ошпабается по видимому въ раздачѣ земныхъ благъ, посыпаетъ сокровища богачу, который не умѣеть ими пользоваться, прибавляетъ новые нужды неимущему, но за то небесное правосудіе вознаграждаетъ въ будущемъ каждого по заслугамъ. Вотъ примѣръ:

«Идутъ Христосъ и апостолы по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѳды: «Господи! завыль, я ѿть хочу». — Пойди, сказалъ ему Спаситель, къ бѣдной вдовѣ, сѣвшѣ у нее корову съ теленкомъ. Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидающи отъ своей коровы теленочка: было бы у ней молочко — пропитаніе на свою семью». — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣжалъ и зарѣзаль у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреньемъ промолвила: «Богъ даљ, Богъ и взялъ; его святая воля!»

«Вотъ идутъ Христосъ и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами. Спаситель и говорить: «катись, бочка къ богатому мужику во дворъ!» Апостолы опять усумнились: «Господи! лучше бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «хоть бы еще столько же послалъ Господь!» думаетъ про себя. Христосъ и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Иисусе! мы пить хочемъ», говорять они Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель, вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напаситеся».

«Апостолы пошли; шли, шли, и видѣть колодезь. Заглянули въ него: тамъ-то срамота, тамъ-то сквернота — жабы, змѣи, лягва (лягушки)... тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Что жъ испили водицы?» спросилъ ихъ Христосъ. —

Нѣтъ, Господи! «Отчего?» — Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотрѣть-то въ него страшно. Ничего не отвѣчай имъ Христосъ, и пошли они впередъ своюю дорогою. Ишли, шли; апостолы опять говорять Спасителю: «Иисусе! мы пить хочемъ». Послая ихъ Спаситель въ другую сторону: «вонъ видите колодезь, ступайте и напейтесь». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо; тамъ-то прекрасно! ростуть деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ бы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы — а вода такая чистая, студеная да сладкая! — и воротились назадъ. «Что такъ долго не приходили?» спрашивается ихъ Спаситель. — Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы, да побыли тамъ всего три минуточки. «Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года», сказаъ Господь. Ка-кovo въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другаго колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ».

Въ нашемъ старинномъ переводе Римскихъ Дѣяній, находится извѣстный разсказъ о пустыннике (20-я глава подлинника), повторенный между прочимъ въ «Задигѣ»: пустынникъ странствуетъ съ ангеломъ, который совершаеть на пути много несправедливостей и даже злодѣяний, задушаетъ ребенка у человѣка, гостепріимно пхъ припявшаго; убиваетъ человѣка, указавшаго имъ дорогу; даритъ золотой кубокъ поселенцу, недавшему имъ почтега — но все это оказывается необходимымъ по расчетамъ высшей справедливости: смерть ребенка обратитъ къ добру отца, не раскаявшагося въ одномъ большомъ грѣхѣ; убитый путникъ спасается смертью отъ совершившаго страшного преступленія и т. д. Эта же мысль развивается въ легендѣ объ ангелѣ, служившемъ въ батракахъ у попа. Ангелъ шелъ однажды по дорогѣ, началъ бросать камни на церковь, молился на кабакъ и брашиль пищаго; прохожіе люди пошли жаловаться на него попу, по батракъ объяснилъ: надъ храмомъ божиимъ летала нечистая сила; въ кабакѣ собрался и пьянствовалъ народъ, не думая о смертномъ часѣ, и онъ молился, чтобы Господь не допустилъ ихъ до смертной погибели; ницкій прячетъ свои деньги и только отбываетъ милостину у другихъ. Эта религіозная казуистика могла зайти въ легенду изъ указанного нами источника, но легко могла быть придумана и самимъ народомъ.

Какъ Христосъ, ходягъ по землѣ и святые; въ легендахъ г. Аѳанасіева упоминаются св. Никола, Илья-пророкъ, св. Касьянъ, св. Пратица и особенно Егорій Храбрый, личность, особенно любимая народнымъ преданьемъ. Странствованія святыхъ, иногда рассказываются совершенно такъ же, какъ хожденіе Спасителя: святой Никола научаетъ одного жаднаго попа, который мало его уважалъ, и играетъ туже благодѣтельную роль, — разница только въ име-

нахъ. Въ другихъ случаяхъ вводятся любопытныя отношенія между святыми, — отношенія, принадлежащія, кажется, одной русской легендѣ, потому что русскій народъ весьма ревниво смотритъ за должнымъ почитаніемъ святыхъ. Напримеръ, св. Никола покровительствовалъ одному мужику, который почиталъ его день, но за то совершенно забылъ Илью-пророка; послѣдній рѣшается наказать его, посыпаетъ градъ на его поле, но Никола предупреждаетъ бѣду; Илья-пророкъ отнимаетъ у хлѣба спорыню, но св. Никола помогаетъ и здѣсь. Послѣднему легенда, согласно съ народными представлениями, приписываетъ больше силы и знанія. Очевидно, что въ этомъ случаѣ легенда составилась только для подтвержденія понятія, существовавшаго въ народѣ еще раньше. Любопытно видѣть, какъ народъ сочиняетъ легенду, чтобы объяснить себѣ простой фактъ, почему св. Касьяну поютъ молебны только въ высокосные года, а Николѣ два раза въ годъ. Они шли однажды по дорогѣ и встрѣтили мужика, который увязъ въ свой возъ; Касьянъ не захотѣлъ помочь ему, чтобы не замарать своего райского платья, а Никола напротивъ помогъ мужику вытащить возъ.... Происхожденіе этихъ легендъ объясняется довольно просто. Однѣ проистекаютъ прямо изъ евангельского преданья, основа ихъ очень немногосложна и не нужно дѣлать никакихъ мудреныхъ предположеній, чтобы объяснить, почему онѣ такъ сходно повторяются у разныхъ народовъ. Чтобы воспользоваться личностью Спасителя для поэтическаго разсказа, легенда должна была только поставить ее между людьми, и характеръ преданья опредѣлялся самъ собой: Христосъ на землѣ могъ только примѣнять свое ученіе, и онъ или награждаетъ добрыхъ, или наказываетъ злыхъ. Дѣйствіе остается всегда въ кругу народной сельской жизни, какъ и всегда народныя произведенія рисуютъ только свой бытъ, свои обычай и нравы. Другія легенды, какъ приведенные нами преданья объ Ильѣ-пророкѣ, Николѣ и Касьянѣ, происходятъ изъ готовыхъ уже понятій и только даютъ имъ поэтическое объясненіе. Въ народѣ существовало, напримѣръ, убѣжденіе, что цыганъ не можетъ жить безъ воровства, и легенда разсказываетъ, что когда св. Георгій, принимавшій по нашимъ преданіямъ большое участіе въ управлѣніи земными дѣлами, спрашивалъ на небѣ о томъ, чѣмъ жить цыгану, ему сказано было прямо, что цыганъ тѣмъ и будетъ живъ, что украдетъ. Въ преданіѣ о св. Пятницѣ, баба, работавшая въ день этой святой, была наказана и получила проиценіе только тогда, когда обѣщала поставить ей свѣтлую и не работать по пятницамъ. Легенды о святомъ Георгіи, собранныя у г. Аѳанасьевы далеко не полно, представляютъ больше трудностей для объясненія; вѣроятно онѣ уже очень давно вошли въ об-

ласть народного воображения и соединились съ другими новѣрьями изъ нашего мифического эпоса, такъ что содержаніе ихъ несравненно обширнѣе и сложнѣе, чѣмъ содержаніе обыкновенной легенды. Наконецъ, легенда о царевичѣ Евстаѳіѣ перешла въ народъ изъ рукописныхъ житій; новѣсть «о царѣ Агѣ» напечатана издателемъ прямо изъ рукописи, какъ совершенно подходящая нодъ разрядъ легенды, тѣмъ болѣе, что въ народѣ нашелся очень близкій варіантъ этого разсказа: происхожденіе его однако несомнѣнно книжное. Точно также взять изъ книги извѣстный разсказъ о томъ, какъ монахъ успѣлъ между заутреней и обѣдней съѣздить въ Іерусалимъ на бѣсѣ, котораго онъ поймалъ въ рукомайникѣ. Чтобы кончить съ новозавѣтными личностями легенды замѣтимъ еще, что въ изданіи г. Аѳанасьевы мы не находимъ преданій о Богородицѣ, хотя нельзѧ сказать, чтобы ихъ не было въ народѣ. Эта часть легенды далеко не получила въ русскомъ народѣ такого обширнаго развитія, какъ на западѣ. Тамъ это была любимая личность католическаго преданія и легендарной литературы; почитаніе Мадонны сдѣлялось однимъ изъ господствующихъ догматовъ народной религіи, и отсюда произошла цѣлая масса разнообразныхъ легендъ: у насъ соотвѣтствуетъ имъ только небольшое число общепародныхъ сказаний. Часть ихъ собрана въ «стихахъ» г. Кирѣевскаго; сборникъ г. Аѳанасьевы не даетъ здѣсь почти ничего.

Изъ лицъ ветхозавѣтныхъ, легенды г. Аѳанасьевы говорятъ только о Соломонѣ и обѣ Ноѣ. Первый по своей извѣстной мудрости спасается изъ ада, сказавши бѣсамъ, что онъ хочетъ построить въ аду монастырь; это небольшой эпизодъ изъ цѣлаго круга сказаний о Соломонѣ, ходившихъ въ старину и безъ сомнѣнія теперь еще извѣстныхъ въ народѣ. Въ легендахъ о Ноѣ смѣшаны различные разсказы. Въ началѣ передается извѣстная еще изъ Кирилла Туровскаго притча о хромомъ и слѣпомъ, которые крали плоды въ саду; Господь на нихъ разгневался и рѣшился сотворить Ноѧ праведнаго. Ноѧ и жена его Евга представляютъ очевидно первыхъ людей. Господь приставилъ къ Ною голую собаку, чтобы она никого не пускала его смотрѣть, но дьяволъ обѣщаѣ собакѣ шубу и она показала ему Ноѧ. Чтобы очистить землю, Богъ послыаетъ потопъ; дьяволъ старается помѣшать постройкѣ ковчега; потомъ успѣваетъ попасть обманомъ въ ковчегъ, и обернувшись мышью прогрызаетъ дно; ковчегъ былъ спасенъ ужомъ, который заткнулъ головой отверстіе, которое проточила мышь. Когда кончился потопъ, Богъ, а за нимъ дьяволъ начали заходить землю, доставая песку со дна морскаго. Въ одномъ варіантѣ этого преданія говорится, что гдѣ Богъ бросалъ

землю, она выходила гладко и плоско (какъ святая Русь), а что чортъ побѣжалъ отъ Бога, и гдѣ приляжетъ, кашлянетъ и спотыкнется, тамъ выростали пригорки и высокія горы. Такимъ образомъ народъ считаетъ созданіе русской равнины дѣломъ совершенно правильнымъ, а незнакомыя и не любимыя имъ горы понимаетъ только какъ дѣло бѣса. Любопытно также въ этой легенѣ, что когда Ной спросилъ Бога, какъ можетъ онъ одинъ съ женой населить землю, Господь велѣлъ ему свалить мужиковъ изъ глины, а господь изъ пшеничного тѣста. Рассказъ напоминаетъ Девкалиона и Пирру греческой мифологии, дѣлавшихъ людей изъ камня, но русскій человѣкъ принаростили его къ своимъ отношеніямъ и далъ своимъ господамъ болѣе щенетильное происхожденіе. Наконецъ Ной спрашиваетъ: какъ же имъ жить? Богъ далъ имъ топоры и срубилъ имъ избы: «живите, вотъ вамъ избы!» Господи, на чёмъ же намъ работать? Дасть Господь лошадь, связалъ обратъ (узду) и хомуть. Онъ поймалъ лошадь и запрегъ ее: «вотъ вамъ, говоритъ, изба, лошадь, упряжь; живите да меня хвалите».... Такъ начинается исторія по народнымъ понятіямъ; народный бытъ является готовымъ вдругъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь. Въ созданіи человѣка и первыхъ условій жизни, народъ видѣлъ непосредственное участіе Бога, онъ видѣлъ его и потому въ каждомъ фактѣ своей судьбы. Легенда надолго сохраняетъ этотъ мало-сознательный взглядъ на природу и человѣка, оставшійся отъ очень старой поры; легенда, приведенная нами, могла составиться или войти въ народъ въ самое первое время по введеніи христіанства; некоторые подробности ея находятся уже въ очень старыхъ памятникахъ нашей письменности. Въ этомъ отношеніи бытъ бы весьма любопытенъ разбрить «Палеи», хронографъ и древнихъ переводныхъ апокрифовъ. Съ другой стороны подробное сличеніе христіанскихъ преданій о созданіи міра съ остатками древнійшихъ миѳическихъ представлений народа покажетъ, что многое уцѣлѣло и было передѣлано народомъ еще изъ языческихъ вѣрованій: его пантенетическая мифология также видѣла во всей природѣ и на всемъ ходѣ жизни человѣка дѣйствіе сверхъестественной силы. Такимъ образомъ возможно было это смѣщеніе началь столько противоположныхъ, мы можемъ наблюдать и до сихъ поръ въ народѣ, который почитаетъ св. Николу и вѣритъ въ домовыхъ. По введеніи христіанства народустарались обыкновенно представлять языческія божества, какъ travestированныхъ злыхъ духовъ; онъ и вѣрилъ отчасти этому, — такъ Несторъ называетъ Перунъ бѣсомъ: но такъ было не всегда, — домовой не слѣдался бѣсомъ; онъ остался въ народныхъ понятіяхъ существомъ независимымъ, способ-

нымъ и на зло, и на добро. Въ процессѣ перехода къ христіанству патрій не бросаетъ преданья вдругъ, потому что слишкомъ привыкъ къ нимъ; онъ только измѣняетъ и дополняетъ ихъ потомъ, и они живутъ удивительно долго; еще для насть возможно выслѣдить ихъ за нѣсколько столѣтій пазаль. Вымирание преданий начинается съ вымираниемъ старого быта; преданье начинаетъ терять силу, когда народъ выходитъ изъ прежней сферы, когда начинаетъ больше вдумываться въ жизнь, когда пословицей его становится: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай», и когда старые призраки обращаются для него въ шутку.

Мы думаемъ, что пынѣнія легенды нашего народа уже представляютъ въ значительной степени шуточный элементъ этого рода. Таковъ, напримѣръ, длинный разсказъ, сообщенный у г. Аоансьева во множествѣ вариантовъ и слѣдовательно очень любимый народомъ, — о похожденіяхъ солдата въ адѣ и въ раю, его встрѣчѣ со смертью, которая не можетъ его одолѣть и которой онъ повелѣваетъ. Солдатъ не хочетъ идти въ рай, потому что ему сказали, что тамъ ни вина, ни табаку нѣтъ, а просто царство небесное; и когда ему пришлось отправиться въ адѣ, онъ расположился въ уголку, наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣшалъ амуницію и закурилъ трубку. Въ адѣ не стало прохода отъ солдата, никого непускаетъ мимо своего добра: «не ходить! видишь, казенные вещи лежатъ». Черты могли отдаляться отъ него только тѣмъ, что обманули его, забивши въ барабанъ тревогу; когда солдатъ выбѣжалъ изъ адѣ, они заперли за нимъ двери и больше не пустили. Онъ держитъ смерть у себя въ торбѣ, непускаетъ ее морить людей и заставляетъ точить старые дубы. Словомъ, все для него обращается въ шутку, ничего онъ не боится, и никто не можетъ ему ничего слѣдѣть. Мы не думаемъ, чтобы легенда могла быть очень стара въ этомъ видѣ, даже исключая безшароппий характеръ солдата, составляющій, конечно, типъ изъ новой русской жизни; если вѣкоторыя подробности легенды носятъ характеръ старины, то въ древнемъ разсказѣ они имѣли безъ сомнѣнія болѣе положительный смыслъ. Обращаясь въ балагурство, легенда упадаетъ; изъ нея дѣлается анекдотъ, «не любоне слушай», то есть, нѣчто вовсе не похожее на первое преданье; въ религіозномъ отношеніи, очень существенному въ легендахъ, она становится совершенно безразлична. Очень любопытный образецъ подобного настроенія легенды представляетъ повѣсть «о бражникѣ», напечатанная въ изданіи по старой рукописи. Бражникъ, то есть по нынѣшнему пьяница, человѣкъ, какъ оказывается не глупый, приходитъ въ рай; св. Петръ его непускаетъ. Кто же ты, спрашивается онъ, и узнавши, что это Петръ, говоритъ, что онъ несправ-

водливо гонитъ его изъ рая, когда въ жизни три раза отрекался отъ Христа, — « а я хотя и бражникъ — но всѣ дни божіе пилъ и за вся-кимъ корцомъ имя Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него». Петръ отошелъ отъ воротъ съ сомнѣніемъ. Точно такъ же укоряетъ бражникъ царя Давида его грѣхами, а Иоанна Богослова недостат-комъ любви, которую онъ самъ проповѣдывалъ, и въ заключеніе бражникъ попадаетъ въ рай. Легенда обратилась здѣсь скорѣе въ апологію бражничества, которую наши предки придумали не безъ нѣкотораго остроумія.

Бѣсы также часто выводятся на сценѣ въ легендѣ, отчасти въ комическомъ видѣ, какъ мы видѣли въ похожденіяхъ солдата. На-смѣшливый взглядъ на чертей довольно распространенъ и слѣдо-вательно, не стоитъ въ легендѣ одиноко; черти, какъ известно, по-минаются въ народномъ разговорѣ на каждомъ шагу, и въ легендѣ они являются также довольно фамильярнымъ лицомъ, даже съ соб-ственными именами, какъ чортъ Потанька въ двухъ легендахъ г. Аѳанасьевы. Кромѣ шутливыхъ разсказовъ о чертяхъ, въ легендѣ сохранились отголоски древнихъ патериковъ; изъ житій старин-ныхъ аскетовъ перешли напримѣръ въ легенду разсказы о томъ, какъ бѣсть являлся къ пустыннику, принимая на себя видъ старца-монаха, соблазняясь его на пьянство, приходилъ въ образѣ женщи-ны: старецъ поддается обману, онъ уже помолодѣлъ, готовъ вѣни-чаться, по въ ту минуту, когда надѣваются на молодыхъ вѣнцы, онъ не можетъ удержаться и кладетъ на себя крестное знаменіе, и ви-дитъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля (легенда «о пу-стыннике»). Черті не менѣе другихъ требуютъ къ себѣ уваженія отъ людей и мстятъ имъ за насмѣшки и ругательства. Въ доказа-тельство этого легенда разсказываетъ о чортѣ, который былъ на-рисованъ въ кузницѣ; старикъ, отецъ кузнеца, жилъ съ нимъ въ ладахъ (по народному повѣрю кузнецы бываютъ часто въ дружбѣ съ чертями, конечно, но ихъ наружному сходству), но сынъ, какъ ни придетъ на работу, то вместо ласковаго слова ударить чорта молотомъ въ лобъ и тогда берется за дѣло. Чортъ не выдержалъ, обер-нулся молодымъ парнемъ, вошелъ въ службу къ кузнецу и до тѣхъ поръ строилъ ему козни, пока наконецъ хозяинъ побожился, что никогда не подниметь на чорта молота и будетъ оказывать ему вся-кую почесть. Легенда любопытнымъ образомъ сходится съ народ-нымъ предразсудкомъ, который даетъ чорту какое-то независимое зна-ченіе и считаетъ дѣйствительно нужнымъ не обижать его: извѣ-стенъ народный анекдотъ о набожной старухѣ, которая ставила свѣчки и святыхъ и чорту, нарисованному на картинѣ страшного суда. Г. Аѳанасьевъ приводитъ еще особенный образецъ легенды,

совершенно похожий на обыкновенную сказку: черти живутъ во дворцѣ, какъ сказочные волшебники, похищаютъ дѣвицѣ, и забываютъ отчасти свои адскія занятія. Читатель, знакомый съ волшебнымъ міромъ нашихъ сказокъ, отличить въ приводимомъ разсказѣ эти сказочные подробности.

«Жиль-быль стариикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и попался во хмѣлю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку; подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинуль съ себя сапоги, побѣсили на шею и побрель по водѣ; только дошелъ до средины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и поминай, какъ звали!

«Остался у него сынъ Петруша. Видѣть Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, нотужилъ, понакалялъ, отслужилъ за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «кой чортъ тебя подъ ноги суетъ!» Петруша услыхалъ такія рѣчи и говорить: «здраво, тетка! куды путь держишь?» — Въ церковь, родимой, Богу молиться. «Какъ же тебѣ не грѣшио: идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь....» Ну, отслушалъ онъ обѣдно и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возьмись — стала передъ нимъ молодецъ, поклонился и говоритъ: «спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!» — Кто ты таковъ и за что благодарствуешь? спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволъ; а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да обляяла меня понапрасну, такъ ты замолвила за меня доброе слово». И началъ просить: «побывай де, Петруша, ко мнѣ въ гости; я тебя во-какъ награжу! и сребромъ и златомъ, вѣмъ надѣло!» — Хорошо, говоритъ Петруша, побываю. Дьяволъ рассказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

«На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу; шелъ-шелъ, цѣльныхъ три лия шелъ, и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворецъ. Вотъ онъ вошелъ во дворецъ, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: «зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй молодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша рассказалъ ей, какъ и зачѣмъ попалъ въ этотъ дворецъ. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица, станеть давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобы подарили тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возятъ. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шелъ онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадью, да и возять теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самой молодецъ, что звалъ Петрушу въ гости, и принялся угождать его всякими напитками и на-

ушель. Грѣшникъ зарызъ три головенки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; гдѣ поливалъ, и другой, и третій... долго-долго трудился: двѣ головенки ужъ пустили отростки, а третья нѣть какъ нѣть! Пришелъ къ нему пустынникъ, видѣть: выросло двѣ березки, и говорить: «Богъ простиль тебѣ два грѣха, а третяго ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока не станутъ всѣ овцы бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасеть годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несетъ — только овцы все остаются черными.

«Вотъ сталь мимо его по зарѣ ѳздить какой-то человѣкъ: ѡздетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ, что это за человѣкъ ѳздить?» Вышелъ на дорогу, подождалъ немножко и видѣть: подъѣзжаетъ тотъ самой человѣкъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?» — Я разбойникъ, ѡзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсню пою! Не утерпѣль пастухъ, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповалъ. «Ахъ, что же я надѣлалъ?» говоритъ онъ, одного еще грѣха не отмолилъ, а ужъ другой грѣхъ нажилъ!» Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлые; пригналъ овецъ къ пустыннику и рассказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говорить: «это за тебя міръ умолилъ Бога!»

Подробности рассказа взяты чисто изъ русской жизни, и онъ становится столько же похожъ на легенду, сколько на сцену изъ народнаго быта. Отыскиванье кладовъ подъ условіемъ смертнаго грѣха чрезвычайно извѣстно въ русскихъ повѣрьяхъ; скитники по дремучимъ лѣсамъ, задачи, которыя они задаютъ грѣшнику, молитва міра, все это черты въ старомъ русскомъ вкусѣ. Эти такъ сказать бытовыя легенды по своей манерѣ и содержанію довольно замѣтно отдѣляются отъ другихъ преданій, и происхожденіе ихъ не столько зависитъ отъ религіознаго вѣрованія, сколько отъ обращенія народа къ собственной жизни: это нравоученіе, извлеченнное не изъ догматической морали, а изъ самого быта. Въ изданіи г. Аѳанасьева напечатана еще другая чисто-бытовая легенда, на которую мы также обратимъ вниманіе читателя; она любопытна по символическому взгляду народа на обстановку его домашнаго быта.

«Шелъ прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя кѣти, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на еголѣ разной гадь; нестерпѣль такой срамоты, выпшелъ изъ избы вонь и зашелъ въ ту кѣть, гдѣ спалъ большой хозяйствскій сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бѣтесь отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую кѣть,

гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежить змій и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожій и ишелъ въ иную кѣть; тутъ увидалъ куницу: перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Даъ имъ спокой и отпра-вилъся въ поле; легъ подъ зородъ (стогъ) сѣна, и послышалось ему — будто какой человѣкъ въ сѣнѣ стонеть и говоритъ: «тошно животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испугался и легъ было подъ суслонъ (*) ржаной; и тутъ послышалъ голосъ, кри-чить: «постой, возьми меня съ собой!» Не послалось прохожему, воро-тился къ старику-хозяину въ избу, и зачалъ его старикъ спрашивать: «гдѣ былъ, прохожій?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слы-шанное: «на столѣ, говорить, нашелъ я разной гадъ, — оттого, что послѣ ужина невѣсты твои ничего благословясь не собрали и не по-крыли; у большаго сына бьется въ кѣти дубинка, — это оттого, что хочется ему большакомъ быть, да малые братя не слушаются: бьется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежъ середняго сына и жены его видѣлъ змія, — это потому, что другъ на друга вражду имѣютъ; у меньшаго сына видѣлъ куницу, — значитъ, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скосить да смететь въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давить свое, а свое стонеть, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ со-бой! — это, которое съ полосы не собрано, оно-де говорить: прошаду, сберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старику: «наблюдай, хо-зянъ, за своей семьею: большому сыну отдай большину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили со-вѣстище; чужаго сѣна не коси, а колосье съ полосы собирай до чиста».

Мы пересмотрѣли довольно подробно содержаніе книжки издан-ной г. Аѳанасьевымъ; но изъ нея еще далеко не вполнѣ раскрывает-ся русскій легендарный міръ. Для полнаго обзора его, кромѣ новыхъ народныхъ легендъ, нужна еще разработка рукописнаго матеріала, изъ котораго г. Аѳанасьевъ взялъ только три-четыре повѣсти, но въ которомъ остается еще богатое разнообразіе преданий, особенно расходившихся у насть въ послѣдніе два вѣка старой Россіи. Въ эту эпоху уже твердо складывался характеръ народа, его гражданскія и религіозныя понятія, которыхъ остались потомъ нетронуты рефор-мой въ продолженіе XVIII-го столѣтія и продолжаютъ жить до ны-нѣшняго времени, когда они уже сильно начали поддаваться новымъ влияніямъ и въ иныхъ мѣстахъ уже изглаживаются. Именно отъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка осталось намъ довольно много чисто легендарныхъ произведений, которыхъ съ успѣхомъ могли бы замѣнить недостатокъ другихъ литературныхъ намят-

(*) Нѣсколько споровъ хлѣба, складенныхыхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221).

ѣдками. Пришло время отправляться Петрушѣ домой. «Пойдемъ, скажаль ему дьяволъ, я налью тебя деньгами и славною лошадью, живо до дому дѣшевъ». — Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша; а коли хочешь дарить — подари ту ледающую кляченку, на которой у вась дрова и воду возять. «Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри окольѣтъ!» — Все равно, подари; кроме ея, другой не возьму. Отдалъ ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повель ее за узду. Только за ворота, а на встрѣчу ему красная дѣвица: «что досталъ лошадь?» — Досталь. «Ну, доброй молодецъ, какъ придиешь подъ свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову». Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя мѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсили ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а намѣсто ея стояла передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горючими слезами и повель его въ свою избу; старикъ-атарь три дня жилъ безъ говору, языккомъ не владѣлъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про пьянство; и до самаго послѣдняго дня ни капли вина не пилъ.»

Рай и адъ народъ представляеть себѣ, какъ извѣстно, чисто вѣшнимъ образомъ. Картина страшнаго суда, пришедшая къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, на тысячу лѣтъ осталась у насъ самыми популярными изображеніемъ будущей жизни. Разнообразныя муки огнемъ, въ разныхъ мудреныхъ положеніяхъ, до сихъ поръ пугаютъ воображеніе простолюдина. Въ одной легендѣ описывается утонченное мученіе, «кумова кровать», огненная, на колесахъ, вся вертится; ея боятся самые черти. Преданья о загробной жизни разсказываются въ легендахъ о странствованіяхъ «обмирившихъ» людей на томъ свѣтѣ; г. Кулишъ напечаталъ интересныя малорусскія преданья объ этомъ предметѣ. Въ нашей легендѣ, одинъ царь, милостивый къ пищимъ, принялъ Христа, въ образѣ убогаго старика, и за то удостоился видѣть загробную жизнь, райскіе сады и муки грѣшниковъ: одни изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ, — то виномъ торговали и народъ обмѣривали; что изъ печи жаръ выгребаютъ — то ростовщики, сребролюбцы; что стоять голые, стѣну собой подпираютъ — то клеветники, ябедники и проч. (стр. 125). Любопытный разсказъ подобного рода г. Аѳанасьевъ могъ бы пайти въ старинныхъ рукописяхъ; старое «хожденіе Богородицы по мукамъ», и теперь весьма извѣстное въ народѣ, особенно у раскольниковъ, дополнило бы приведенные имъ повѣрья. Быть можетъ оно связывается наше преданье съ древними византійскими легендами.... Рай есть мѣсто такой неописанной красоты, что человѣкъ, попадающій туда, совершенно забываетъ о времени, — пред-

ставлениe, общее намъ съ западными пародами. У насъ разсказываютъ, что одинъ добрый и набожный крестьянскій сынъ избрался со старцемъ-скитникомъ; отецъ сосваталъ ему невѣсту, по онъ не хотѣлъ жениться и ушелъ изъ родительского дома. На пути онъ встрѣтился съ тѣмъ же старцемъ, и старецъ привелъ его въ свой садъ: ему казалось, что онъ пробылъ въ саду только три минуты, а было онъ въ саду триста годовъ. Это былъ рай.

Иногда въ основу легенды кладется чисто дидактическая мысль, такъ что сюжетъ или басня легенды занимаетъ уже второстепенное мѣсто. Легенда разсказываетъ, напримѣръ, какая судьба ожидаетъ людей себялюбивыхъ, неблагочестивыхъ и пьяницъ: первый не имѣеть передъ смертью даже времени раздать свое имущество пишшимъ, второму пустынникъ предсказываетъ неудачу во всѣхъ дѣлахъ, потому что онъ начинаетъ ихъ безъ молитвы; третьему муку вѣчную, что пьетъ, не зная ни постовъ, ни праздниковъ. Въ другой легендѣ описывается смерть праведника и смерть грѣшника: къ первому смерть приходитъ ожиданная, съ ангелами, — вынули душу, положили на золотую тарелку и съ херувимской пѣснию понесли въ рай; къ другому смерть приходитъ среди пѣсень и пустой болговни и поражаетъ его молотомъ въ голову. Замѣтимъ еще третью легенду, о томъ, какъ одинъ парень совершилъ три смертные грѣха, чтобы достать кладъ, который безъ этого недавался въ руки, и какъ послѣ парень совѣтовался со «скитниками» и по ихъ совѣту отмаливалъ свое преступленіе:

«Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучий лѣсъ; увидавъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынникъ его и спрашивается: «кто тамъ?» — Грѣшникъ, святый отче! «Подожди, молитву окончу». Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашивается: «куда Богъ несетъ? и что надобно?» Разсказалъ ему странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмазить его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи — тамъ живеть пустынникъ старый меня вдвое; можетъ онъ тебѣ и скажеть....» Попалъ странникъ дальше и дальше, приходить къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоять тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашивается. — Грѣшникъ, святый отче? «Подожди, молитву оконч». Окончилъ молитву, вышелъ и спрашивается: что за грѣшникъ такой? Странникъ рассказалъ про все. «Коли хочешь отмаливать свои грѣхи, сказаъ ему пустынникъ, такъ пойдемъ со мною». Даль ему тошоръ и повелъ къ толстой березѣ: «свали ка эту березу и разруби ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они горѣли-горѣли, и остались только три малыя головенки. «Законай ты эти головенки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и

никовъ, какъ указатель того, что и какъ думалъ народъ въ то время. Необходимо замѣтить также и тѣ литературныя вещи, которыя остались въ ходу у раскольниковъ; они издавна держать стариной и въ самомъ дѣлѣ сберегли ее (конечно, какъ учить православная церковь, сберегли старину только по вѣшности, а не смыслу) иногда лучше нашихъ библіотекъ и древлехранилищъ. Они сберегли ее не только въ своемъ быту, гдѣ до послѣдняго времени живемъ сохранились древніе старцы и скитники, о которыхъ разсказывается легенда, и аскетически суровыя представленія о благочестивой жизни; но они сберегли старину и въ преданьяхъ и рукописяхъ, гдѣ старые апокрифические разсказы, общіе вѣрою народу полтора вѣка тому назадъ, теперь нашли себѣ исключительное мѣсто. Многія преданья получали въ расколѣ почти догматическую силу, — такъ они врѣзывались въ народный понятія; возможно, слѣдовательно, ожидать, что преданье хорошо уцѣлѣтъ въ подобной средѣ: у раскольниковъ всего лучше сохранилась извѣстная Голубицкая книга, въ народѣ уже полузаѣтая.

Другую сторону легенды, необходимую при общемъ обозрѣніи этого разряда народныхъ памятниковъ, заключаютъ такъ называемые стихи. По своей поэтической или стихотворной формѣ, стихи выше другихъ легендъ; замкнутая форма стиха заставляла его больше держаться его первоначального вида, и не подчиняться портящему вліянію народной болтовни, которая начинаетъ примѣщивать въ разсказѣ много посторонняго и съ которой не умѣютъ справиться наши собиратели. Мы замѣтили уже, что, за исключеніемъ древнихъ общенародныхъ пѣсень, стихъ отчасти одолженъ своимъ существованіемъ нашимъ слѣнцамъ, которые собираются на богомольяхъ; отчасти это произведеніе раскольниковъ, и потому быть можетъ,-tonъ его бываетъ суровѣе, чѣмъ тонъ легендъ, рассказываемыхъ самимъ народомъ, который отбрасываетъ излишній фанатизмъ благочестія. Прочтите въ изданіи Кирѣевскаго стихи о грѣшиной душѣ, о прощеніи души съ тѣломъ, смертномъ часѣ, о вѣчной муки: вездѣ суровыя рѣчи о миценіи и за одно наружное неблагочестіе, — о такомъ миценіи, которому конца и мѣры не будетъ:

«Вы въ церковь Божію не хаживали,
Заблудящимъ дороги не показывали,
И вы мертвыхъ въ гробахъ не проваживали,
За то-то сослаль Богъ вамъ муку вѣчную,
Муку вѣчную, безконечную» (стихъ 25-й).

Стихъ смотритъ на жизнь съ мрачной точки зрењія; его составлять озлобленный жизнью бѣднякъ, или закоренѣлый суевѣръ,

признающій въ мірѣ одинъ грѣхъ, или просто раскольникъ съ его упрямой враждой ко всему новому. Нынѣшній «прелестный» (т. е. исполненный соблазна) и «злой» міръ уже близокъ къ погибели:

«Приняло времечко гонимо:
Народился злой антихристъ,
Во всю землю онъ воселился,
Во весь міръ онъ воружился,
Стали его волю творити:
Власы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити,
Распокаятую траву пити (т. е. курить табакъ).

Людямъ остается только покинуть этотъ міръ и послѣдовать со-вѣту, который даетъ сочинитель стиха:

«Вы бѣгите въ темные лѣса,
Зарывайтесь песками,
Рудожелтыми хрящами,
Помиряйте вы гладомъ:
Вы не умрете, — оживете
Моего царствія не минете (ст. 42-ї).

Эта исповѣдь аскетизма очень характерна въ отношеніи къ расколу старого и нового времени, какъ вообще легенда стиха любопытна по особенности ея религиознаго настроенія. Г. Аѳанасьевъ мало коснулся этого отделья и вообще изъ «стиховъ» привелъ только новый вариантъ для стиха о Георгіѣ Храбромъ, уже известнаго.

Такимъ образомъ издание г. Аѳанасьева ограничилося только частью русской легенды; мы бы желали поэтому, чтобы онъ продолжалъ издание и обратилъ внимание на другіе легендарные источники, о которыхъ мы говорили. Иначе, заключенія о нашей легендинѣ, которые стали бы выводить по его книгѣ, были бы очень неполны, и слѣдовательно невѣрны. Что касается до исполненія изданія, мы недоумѣвали, что хотѣль сдѣлать г. Аѳанасьевъ — популярное ли чтеніе изъ легендъ, то есть выборъ болѣе изящнаго и любопытнаго, или ученое изданіе того материала, который былъ у него подъ руками. Для первого нужно было выбирать замѣчательнѣйшія вещи изъ цѣлой легендарной литературы, рукописной и народной, но этого въ книгѣ нѣтъ, слѣдовательно, онъ дѣлалъ изданіе ученое. Легенды въ самомъ дѣлѣ снабжены variantами, сличеніями и такъ далѣе, но для достиженія ученої цѣли мы желали бы и другихъ приемовъ. Въ легендинѣ любопытна не только самая легенда, но и способъ ея образованія, ея исторія, распространеніе, ея смыслъ для народа: что въ ней своего и чужаго, какъ давно она известна, что въ ней наиболѣе серьезно для народа. Издатель, самъ обращавшійся въ народѣ и записывавшій легенды, могъ бы отвѣ-

чать на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, но онъ касается ихъ очень мало, а больше занимается любимыми миѳическими изысканіями.... Сравненія съ легендами другихъ народовъ конечно интересны, но мы такъ къ нимъ привыкли, что желали бы наконецъ другаго, напримѣръ, чтобы намъ показали различіе легендъ по разнымъ народностямъ. Нельзя же думать, что легенды совершенно похожи у всѣхъ народовъ; тогда бы не стоило труда изучать ихъ у каждого въ такой подробности. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря па все сходство, русская легенда въ цѣломъ оставитъ другое впечатлѣніе, чѣмъ итальянская или нѣмецкая; слѣдовательно каждая имѣеть свой характеръ, и мы думаемъ, что его возможно опредѣлить. При сходствѣ миѳа, народная жизнь кладетъ свою печать на его изложеніе; историческая события, проходящія черезъ народное сознаніе, задѣваютъ и легенду, и она необходимо получаетъ черты отдѣльныя, своеобразныя. Это дѣлается яснѣ, когда мы беремъ крайнія особынности легендарной поэзіи: фанатический стихъ раскольника окажется тѣсно привязаннымъ къ русской почвѣ и для него не нужно искать сравненій; въ его религіозномъ настроеніи мы увидимъ иѣчто оригинальное. Легенда вообще простонародна; выводимыя ею личности дѣйствуютъ среди народа, въ обстановкѣ его быта, — но отчего въ русской легендѣ разсказъ изъпростонародности впадаетъ перѣдко въ какую-то тяжелую грубоватость не только слова, но и представлениія (грубоватость слова въ иныхъ случаяхъ придали ей, кажется, сами наловкіе записыватели), которая очень замѣтна читателю? Мы найдемъ и въ самомъ содержаніи легенды много вопросовъ, требующихъ объясненія, и для него должна была бы иная программа изслѣдованія, чѣмъ принятая г. Аѳанасьевымъ. Въ нашей старой литературѣ и народѣ легенда идетъ съ давнихъ порь и при недостаткахъ литературного и поэтическаго развитія въ письменности оставалась едва ли не главной пищѣй для народнаго ума. Древнее язычество, литература и права Византіи, общественные отношенія и религіозныя смуты допетровской Россіи и даже старииное невѣжество, всѣ обстоятельства, дававшія тонъ цѣлой народной жизни, оставили свои слѣды и на легендахъ, въ ея формѣ и въ содержаніи.

Мы слышали, что книга г. Аѳанасьева по новости сюжета имѣла большой успѣхъ, даже между людьми, которые прежде мало занимались подобными вещами: заключить ли изъ этого, что наше общество стало искренно интересоваться народной жизнью?